

«Нет, я не Офелия...»

Более чем в тридцати фильмах снималась одна из популярнейших наших актрис — заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Людмила Зайцева. Можно сказать, что она создала на экране замечательную галерею русских женщин. Кинорежиссер С. Ростоцкий, в фильме которого «А зори здесь тихие...» она дебютировала в роли сержанта Кирыной, отметил особенность героини Людмилы Зайцевой: «Они знают, почему фунт лиха, для них слова «земля», «хлеб», «зорька» и конкретны, и глубоки, наполнены великим смыслом!»

И все же волевая, мужественная, даже суровая сержант Кирынова, вдруг открывающаяся для нас неожиданной стороной — глубокой человечностью и женской пленительностью, — одна из любимых ролей актрисы. Хотя было много и других прекрасных образов. Среди которых и подлинно новое открытие актрисы — колхозница Шура, мать троих детей в картине «Здравствуй и прощай». Именно с темы материнства мы и начинали наш разговор с Людмилой Васильевной...

— Почему мне нравится играть женщин, которые открыто делают своими мыслями, чувствами, сомнениями и надеждами? Потому что, как правило, они — женщины с характером, умеющие постоять за свои убеждения. Знают, чего хотят в жизни. Читаю сценарий и прежде всего в моей будущей героине ищу то притягивающее народное начало, которое впоследствии должно найти эмоциональный отклик в сердцах миллионов зрителей. Здесь сфальшивить нельзя. Мне интересны характеры противоречивые, сложные, живущие страстями и разумом. Мне интересны женщины, питающие отвращение ко всяческой лжи, не порядочности, стремящиеся к активным действиям, в которых нет духовной усталости и инфантильности. Несмотря на жизненные трудности, моих героинь всегда отличает искренность эмоций, они излучают жизнелюбие. Они ценят шутку, умеют веселиться. И, что особенно ценно, в них заложено большой запас душевной доброты и нравственной чистоты.

С детства мне был близок мир природы, мир народных песен и юмора. Впечатления детства остались в моем сознании на всю жизнь. Преклоняюсь перед людьми земли. Я горжусь, что я — крестьянка и что мои корни в селе. Вот почему всегда с радостью соглашаюсь играть женщин села, пытаюсь показать главное — их духовную связь с родной землей. В работе, в умении любить всем сердцем — истинная красота русской женщины. Меня привлекают огромная самоотдача и безоглядность в поступках: если работать, так до седьмого пота, если любить, так открыто, не стесняясь пройти по деревне...

Я завидую Люсе Гурченко, которая смогла написать книгу о своем отце, написать искренне и с любовью. Был бы у меня литературный дар, обязательно бы рассказала о своей маме, полуграмотной женщине, отдавшей

всю свою жизнь колхозу. Мама умела так работать, что никто не мог за ней поспеть. Придет с поля домой — и снова за работу. Летом в хозяйстве ее хватало — падают яблоки, их надо собирать, резать, полоть в огороде, смотреть за козой, наливать воду в кадучки. чтобы они не рассохлись... А когда наступал праздник — она была совершенно другая. Ни одна свадьба, ни одно веселье не проходили в селе без нее. Она хорошо пела, и я всюду за ней «таскалась». Ей-то и воспитывать меня было некогда. Но, наверное, воспитывать нужно не только словами, а и поступками, всей жизнью.

Вспоминаю и думаю. Все же раньше люди жили как-то лучше: умели и работать, и веселиться от души. А сейчас у нас каждый день праздник. Включаем телевизор и смотрим фильмы, концерты, выступления любимых актеров. А тогда праздники ожидался, к ним готовились. Это были праздники души и сердца. Да и люди, мне кажется, были намного естественнее, добрее. Меньше зависти, меньше «вегизма», а больше духовного начала. Были более совестливыми.

— Людмила Васильевна, можно сказать, что черты характера ваших героинь — это и черты вашего характера?

— Актер творит, как мне кажется, из своего нутра. Правда, бывают разные актеры. Одни всю жизнь играют чужие роли, а другие, какой бы им образ ни предложили, все равно насыщают его своей сущностью. Я отношусь к таким, хотя считаю себя актрисой острокarakterной.

То, что зрители нас в какой-то мере отождествляют с созданными об-

разами, естественно. Как я могу сыграть, например, решительного человека, если я сама нерешительная в жизни? Однажды читала интервью актрисы, которая утверждала: в жизни я хожу на охоту, стреляю, а вот в кино мне достаются роли флегматичных женщин. Я подумала: наверное, она не совсем права, может быть, и в жизни она стреляет также флегматично?

Очень жаль, что сейчас забыли о старом, добром понятии «амплуа». Во все времена существовали трагедисты, субретка, герой-любовник, актеры на вторые роли. Из театра, кинематографа ушло понятие «социальный герой». Герой сейчас стал мелкотравчатый. А где «романтический герой»? Да, его нет уже со времен Олега Стриженова. А ведь какие были прекрасные актеры — Дружников, Столяров или Андреев, Николай Симонов!

— Вам приходилось отказываться от предложений сыграть в том или ином фильме?

— Неоднократно. Я считаю, когда актер или актриса соглашается играть «не свои» роли, это аморально. Когда мне предлагают такое, я говорю: эту роль должна исполнять другая актриса. Зачем мне играть шекспировскую Офелию, когда есть актриса, которая должна ее сыграть? Мы стали как-то забывать о психологических данных актера — росте, голосе, фигуре.

А кино имеет потрясающее свойство: обламывать душу актера. Тут почти не за чем спрятаться. Вот и происходит: ожидания зрителя не оправдываются, и он теряет интерес к любимому актеру. Я считаю, актер должен расти «в рамках» того, что дано ему природой.

Мне бывает часто обидно и непонятно: почему многие видят в нашей профессии только внешнюю сторону? Почему такое легкое отношение к трудной порой изматывающей профессии? Многие считают — жизнь актера это сплошной праздник, состоящий из встреч, аплодисментов и цветов. Это иллюзия. Актерский труд — прежде всего труд кропотливый, замешанный на мучительных сомнениях и бессонных ночах.

Я до сих пор не знаю: можно ли называть профессию актера — профессией? Как овладеть ею? Мне кажется — это великая тайна.

— А какой характер вы бы хотели воплотить на экране?

— Я не отношусь к той категории артистов, которые сдают и мечтают. Если по большому счету, то считаю: очень мало у нас снимается фильмов по произведениям русской классики. Я — русская актриса, а до сих пор не могу сыграть образы, созданные Островским, Достоевским, Горьким... От этого становится грустно, потому что

я не работаю в театре, где возможности намного шире...

— Как вы относитесь к образу «деловой» женщины на экране?

— Мне такие образы играть неинтересно. Однажды известный драматург спросил меня, смогла бы я сыграть вот такую женщину: одинокую, она все время курит, правда, у нее интересная работа в научно-исследовательском институте, она мечтает создать семью, но в силу сложившихся обстоятельств на данном этапе от нее отказалась...

Я знаю, в жизни есть такие женщины. Но не понимаю, для чего утверждать на сцене и в кино подобных героинь?

Или другая проблема: я имею в виду матерей-одиночек, женщин, которые рожают детей, не имея мужа. Это же катастрофа. Я ищу себе партнера, чтобы иметь ребенка? Я понимаю: была любовь, но так вышло, что два человека не смогли быть вместе, и женщине приходится одной растить ребенка. Но когда появляются женщины с «философией»: вот погуляю до 35 лет, а потом найду себе какого-нибудь партнера... Рожу и буду растить в одиночестве ребенка... Я не сочувствую таким! Или третья проблема: как легко стали теперь разводиться, даже имея детей. Ломается семья — ломается душа, психика ребенка. Никто не хочет прислушаться друг к другу. А ведь терпение, мудрость у женщины от ее природы. Мне грустно, что из нашей жизни уходят святые нравственные понятия. Как-то легко мы с ними расстаемся.

К сожалению, мы стали мало делать друг другу добра. А ведь обидеть ближнего или дальнего — всегда было грешно и совестно. А сейчас — нет. Об этом в своих произведениях с болью говорят нам писатели Леонид Леонов, Распутин, Бондарев, Астафьев, Белов. Писатели в России всегда были совестью народа. Они возвращают нам то, что утрачено. Я не могу, например, читать произведения многих современных авторов, потому что не извлекаю из них высоких нравственных уроков.

То у нас была одна крайность — все хорошо. Сейчас впадаем в другую — все плохо. Нам не нужен «конфетный» положительный герой. Пусть он идет через свои ошибки, заблуждения, может быть, даже оплатив их ценой своей жизни, как герой Василия Макаровича Шукшина Егор Прокудин из «Калины красной». Убеждена: человек не может жить без надежды на торжество положительного, справедливого. Вот почему я живу в искусстве своей жизнью, иду своим собственным путем, каким бы тяжелым он ни был...

Интервью вел Ю. СЛАВИЧ.